

18+

Ник Нил

Ужасы реальной жизни

Сборник

Ник Нил

Ужасы реальной жизни. Сборник

«Издательские решения»

Нил Н.

Ужасы реальной жизни. Сборник / Н. Нил — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Вы боитесь монстров из старых шкафов? Зря. Настоящий ужас носит человеческое лицо и пахнет хлоркой, дешевым одеколоном или сырой землей заброшенного карьера. В этой книге нет спасения. Есть только Россия — от ледяных пустошей Колымы до душных коридоров панельных девятиэтажек. Здесь старинные зеркала требуют плату за отражение, детские игрушки помнят предательство своих хозяев, а забытые кассеты в магнитофоне хранят голоса тех, кого лучше не слышать. Это фольклор XXI века.

© Нил Н.

© Издательские решения

Ужасы реальной жизни

Сборник

Ник Нил

© Ник Нил, 2026

ISBN 978-5-0071-4200-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ник Нил

Ужасы реальной жизни
Сборник

Рассказы в жанре ужасов и мистики про леденящие кровь случаи из истории России, тревожные истории, вдохновленные мифами различных народов и племен, шокирующие рассказы о мистических встречах и открытиях, байки про мертвецов и оборотней, самые кошмарные ужасы на свете — ужасы реальной жизни.

Домофон

Поздний вечер. Алексей возвращается домой, продрогнув на ледяном ветру. Панельная девятиэтажка встречает его слепыми окнами и запахом кошек в подъезде. Он подходит к железной двери, достает магнитный ключ-таблетку.

Он подносит ее к черному зеву домофона. Вместо привычного пика раздается влажный, сосущий звук. Словно присоска оторвалась от мокрого стекла.

Дверь не открывается. Зато из динамика доносится тяжелое, астматичное дыхание. Кто-то огромный втягивает воздух прямо из проводов.

— Кто? — хрипит динамик голосом, лишенным пола и возраста. В горле говорящего булькает жидкость.

— Это я, Алексей. Квартира сорок два, — раздраженно отвечает он, нажимая кнопки кода. — Открывай.

Вместо ответа из металлической решетки выплескивается струйка густой желтой слизи. Она пахнет больницей, антибиотиками и тухлыми яйцами. Слизь стекает по кнопкам, которые начинают плавиться, превращаясь в мягкие хрящи. Цифра «4» пульсирует, как живая плоть под кожей.

Алексей отступает на шаг. Домофон издает звук рвущейся ткани. Решетка динамика расширяется, металл расходится лепестками, обнажая темную глотку, усеянную мелкими игольчатыми зубами.

— Сорок вторая квартира... — гудит пасть. — Да. Мы помним. Ты обещал занести соль еще в прошлом году. За просрочку полагается пеня. Телом.

Из подъезда, изнутри, доносятся тяжелые шаги. Они приближаются к двери с той стороны. Но это не шаги соседа. Звук такой, будто кто-то волочит по бетону мешки с мокрым песком. *Шлёп-шмяк. Шлёп-шмяк.*

Замок на двери щелкает сам собой, но не открываясь, а намертво блокируясь. Железное полотно начинает прогибаться внутрь, словно по нему бьют огромным молотом. На краске проступают капли конденсата, которые оказываются каплями слюны.

— Пусти! — кричит Алексей, бросаясь бежать вниз по лестнице.

Сзади раздаётся оглушительный треск. Стальная дверь вылетает из петель, перекрывая выход во двор. Из проема вываливается нечто, состоящее из старых квитанций за ЖКХ, ржавых почтовых ящиков и десятков пар резиновых сапог. Венчала конструкцию голова консержки Марьи Петровны, которая умерла три года назад. Ее глаза были заменены на объективы камер наблюдения.

— У тебя задолженность по теплу, Лёшенька, — ласково говорит голова голосом мертвой женщины. — Иди сюда, будем акт составлять. Прямо на твоей коже.

Лифт

Офисный центр класса А. 3:15 ночи. Программист Денис сидит в пустом опен-спейсе, дописывая код перед релизом. Ему нужно спуститься на парковку за энергетиком.

Он вызывает лифт. Кабина приходит мгновенно. Двери открываются с мелодичным звоном, который звучит фальшиво, растянуто. Внутри полумрак. Горит только одна лампочка из четырех, и та мигает в такт чьему-то сердцебиению.

Денис заходит. Нажимает кнопку «-2». Двери закрываются слишком медленно, со звуком сомкнувшихся челюстей.

Лифт не едет вниз. Он стоит на месте, но ощущение такое, будто внутренности Дениса проваливаются в пятки. Давление растёт, закладывает уши. Зеркало на задней стенке кабины покрывается рябью, как вода от брошенного камня.

Отражение Дениса остается прежним, но вот отражение интерьера меняется. Там нет пластиковых панелей. Там — старый деревянный лифт сталинского дома. Вместо поручней — натянутые бельевые веревки, на которых сушатся чьи-то серые простыни.

В углу кабинки что-то шевелится. Сначала Денис думает, что это сквозняк колышет полу пальто. Но потом понимает: само пространство пола собирается складками. Линолеум пузырится, приподнимается. Из-под него лезет рука. Тонкая, детская, с синими ногтями.

Она цепляется за штанину Дениса. Не для того, чтобы схватить — просто ищет опору, чтобы вытащить остальное тело.

— Тебе какой этаж? — спрашивает механический голос диспетчера из спикерфона. Голос искажен эхом глубокого колодца.

— Парков... ка... — выдавливает Денис, пытаясь отбрыкнуться. Его нога вязнет в линолеуме, который превратился в холодную топь.

Рука под полом обретает компанию. Теперь их там десять. Они ритмично стучат в потолок кабины снизу вверх. *Тук. Тук. Тук.* Это не просьба выпустить. Это проверка несущих конструкций.

Зеркало окончательно превращается в жидкую ртуть и стекает на пол, обнажив голую бетонную стену шахты. В этой стене нет дна. Там, внизу, горят красные огни, похожие на печь крематория, и слышится гул тысяч голосов, записанных на старую аудиокассету.

Двери лифта на этаже парковки открываются. Перед Денисом не серый бетон подземелья. Перед ним — пляж. Черный вулканический песок. Море светится ядовитым зеленым светом. А вместо шезлонгов стоят старые системные блоки, вкопанные в песок мониторами наружу. На экранах крутится один и тот же скринсейвер: строка загрузки «Uploading Soul... 99%».

Голос диспетчера прощается:

— Ваша остановка. Выходите, конечная. Следующая жизнь через пятьдесят лет.

Подписка на рассвет

Спальня. 4:58 утра. Самая густая, самая тяжелая тьма перед рассветом. Олег спит. Или ему кажется, что он спит.

Его веки поднимаются сами собой. Тело парализовано стандартным сонным параличом. Но сегодня всё иначе. Воздух в комнате стал платным.

Каждый вдох дается с трудом, легкие жжет, словно он дышит стеклянной пылью. Олег пытается повернуть голову к окну. Жалюзи приоткрыты ровно на сантиметр. Сквозь щель видна линия горизонта. Небо должно быть темно-синим.

Но оно цвета старого гематома — грязно-багровое. И оно движется. Облака плывут не горизонтально, а спиралью, затягиваясь в воронку над их домом.

Раздается тихий звук уведомления. Такой, какой бывает в банковских приложениях. [Клик].

Звук исходит из центра лба Олега. Он чувствует вибрацию импланта, о существовании которого забыл давным-давно.

Перед глазами, прямо на фоне багрового неба, всплывает полупрозрачное окно интерфейса:

` [SUNRISE SERVICE] `

`Статус: Заблокировано.`

`Причина: Отрицательный баланс кармы.`

`Вы действительно хотите посмотреть Восход Солнца?`

`Стоимость услуги: 10 мл эндорфинов + право на кратковременную память (события вчерашнего дня).`

` [ОПЛАТИТЬ] [ОТМЕНА] `

Олег хочет нажать «Отмена», но его пальцы не слушаются. Система считывает панику как согласие. Окно сменяется другим:

` [ОБРАБОТКА ПЛАТЕЖА] `

`Внимание! Для просмотра первого луча требуется дополнительная подписка «Ультрафиолет-Абсолют». Стоимость: Ваш детский смех (архив №4, возраст 6 лет). Операция необратима.`

Багровое небо за окном начинает пульсировать. Солнце уже почти показалось, но его диск закрыт огромной красной печатью «Демо-версия истекла». Лучи пытаются пробиться сквозь нее, но ударяются о невидимый барьер и осыпаются вниз дождем из раскаленного пепла. Пепел пахнет жжеными волосами.

Олег чувствует, как внутри головы становится пусто. Воспоминания о вчерашнем ужине, о ссоре с женой, о планах на выходные — они просто копируются, упаковываются в цифровой контейнер и улетают куда-то вверх, к спутникам слежения. Взамен них заливается холодный белый шум.

Окно сообщает:

` [ПЛАТЕЖ ПРИНЯТ] `

`Приятного просмотра. Спасибо, что остаетесь с нами.`

Печать на солнце вспыхивает и исчезает. Первый, самый острый луч света бьет прямо в глаз Олегу. Он невыносимо горячий. Он выжигает сетчатку, но взамен дарит секунду абсолютного, химического счастья.

Когда жена проснется через час, она найдет мужа сидящим на кровати. Он будет смотреть в одну точку пустыми глазницами, улыбаясь блаженной улыбкой идиота, и монотонно напевать рекламный джингл зубной пасты, которой пользовался в детстве. Все остальные воспоминания о своем детстве он отдаст в счет погашения долга за то, чтобы планета сегодня просто продолжала вращаться.

Пакет с пакетами

Кухня в типовой квартире. Поздний вечер. Анна моет посуду, механически оттирая пригоревший жир со сковородки. Она чувствует зудящее желание закурить, хотя бросила пять лет назад. Руки сами тянутся к ящику под раковиной.

Там он — «пакет с пакетами». Бесформенный ком полупрозрачного полиэтилена, перевязанный ручкой другого пакета. Священная реликвия любой российской кухни.

Она достает его, чтобы взять один фасовочный — для очисток. Но когда она поднимает ком, тот оказывается слишком тяжелым. Плотным. Живым.

Анна замирает. Из узла наверху доносится тихий хруст. Звук ломающегося тонкого пластика? Нет. Суставов.

Ком начинает пульсировать. Пакеты внутри него не просто смяты — они спрессованы так плотно, что образуют единый кожаный покров. Один из уголков верхнего пакета медленно оттягивается, превращаясь в веко. Под ним блестит влажный черный шарик размером с вишню.

— Зачем ты нас трогаешь? — шепчет узел голосом, похожим на шуршание пенопласта по стеклу. — Нам тесно.

Анна разжимает пальцы. Ком падает на пол. Он не распускается. Наоборот, полиэтиленовые ручки вытягиваются, как паучьи лапы. Пакет ползет к ней, перебирая пластиковыми конечностями по линолеуму. Шуршание становится оглушительным.

Из горловины самого большого пакета-майки высовывается голова. Сделанная из старых чеков и магнитиков с дверцы холодильника. Глаза — две крышки от йогурта.

— Мы копили это всё годами, — шелестит существо. — Фольгу от творожка, сеточки от чеснока, скотч. Ты думаешь, мы мусор? Мы — строительный материал.

Существо делает прыжок. Оно целит ей в лицо. Анна выставляет вперед мокрую руку. Полиэтилен касается ее кожи и начинает стремительно плавиться, втягиваясь в поры, становясь частью ее эпителия.

Ее собственная кожа на руке натягивается, становится прозрачной, радужной. Сквозь нее видны капилляры, которые теперь перекачивают не кровь, а жидкий клей ПВА.

— Теперь ты будешь хранить нас внутри, — говорит голос уже у нее в горле. — В тепле. Под диафрагмой.

Последнее, что видит Анна перед тем, как ее легкие заполняются воздушно-пузырьковой пленкой — как остальные пакеты на кухне радостно выползают из-под мойки, выстраиваясь в очередь к открытому мусорному ведру, чтобы забрать то, что осталось от хозяйки.

Тихий час

Детский сад «Ромашка», группа «Солнышки». Послеобеденный сон. В спальне полумрак, слышно только сопение двадцати малышей. Воспитательница Ирина Васильевна сидит за столом, проверяя журналы. Монотонность убаюкивает.

Вдруг она слышит звук, который выбивается из ритма детского дыхания. Снизу. Из-под пола спальни. Это не скрип старых лагерьей. Это звук... жевания. Огромного количества мелких зубов, перетирающих что-то жесткое. *Хруп-хруп. Хруп-хруп.*

Ирина Васильевна прислушивается. Звук идет точно из игровой зоны, где лежат маты. Она тихо встает, подходит к краю ковра. Отогнув край линолеума (который почему-то оказался теплым), она заглядывает в щель.

Под полом нет подвала с трубами. Там полость, заполненная шевелящейся массой. Детские игрушки — пластиковые машинки, кубики, куклы без глаз — перемалываются тысячами челюстей. Челюсти растут прямо из перекрестья деревянных балок перекрытия. Древесина дома превратилась в плоть.

Один из спящих детей, мальчик Петя, вдруг перестает дышать носом. Его рот остается открытым. И оттуда, вместо слюны, на подушку капает машинное масло. Черное, густое.

Ирина Васильевна смотрит на остальных детей. Все они синхронно поворачивают головы в ее сторону. Их глаза открыты. Зрачки сужены в точки. Они смотрят на нее не как дети, а как механизм, переключившийся в режим ожидания команды.

— Время собирать урожай, — говорит хором двадцать голосов. Голос писклявый, но лишенный детской радости. Сухой, технический. — Вы превысили лимит посещений. Группа подлежит списанию.

Дети начинают вставать. Ножки их пижам касаются пола, издавая металлический цокот. Ковер в игровой комнате расходится, обнажая огромную зубастую пасть розового неба.

— Тихий час окончен, — сообщает радио-няня голосом директора департамента утилизации. — Погружение начинается.

Петя улыбается Ирине Васильевне, показывая новые, только что прорезавшиеся стальные зубы, и шагает прямо в зияющую темноту под игровым уголком, протягивая воспитательнице свою маленькую пластмассовую лопатку.

Розетка

Спальня холостяка. Глубокая ночь. Алексей спит беспокойным сном. Ему снится, что он забыл выключить утюг. Запах гари проникает даже сквозь сон. Он просыпается в холодном поту.

В комнате пахнет озоном и раскаленным металлом. Источник запаха — стена над прикроватной тумбочкой. Обычная двойная розетка.

Центральная пластиковая панель розетки вздулась пузырем. Она пульсирует, словно дышит. Цвет пластика меняется с белого на болезненно-красный. Из щели между стеной и рамкой сочится густой желтый дым.

Алексей понимает, что перегрузки сети быть не может — он ничего не включал.

Он тянется к лампе, чтобы включить свет, но вилка лампы сама собой выдергивается из соседнего гнезда и прячется под кровать. Темнота сгущается. Единственный источник света теперь исходит от самой розетки — тусклое, кровавое свечение накаливания.

Панель лопается с сухим треском. Из стены начинает лезть нечто. Это не искры. Это тонкие, черные нити оптоволокна, кончики которых увенчаны острыми металлическими иглами. Они извиваются в воздухе, как слепые черви, ищущие тепло.

Одна нить выстреливает вперед и пришивает рукав пижамы Алексея к одеялу. Он дергается, отрывая кусок ткани вместе с кожей. Боль странная — тупая, электрическая.

Другие нити впиваются в обои, растворяя рисунок цветочков. На стене проступает интерфейс BIOS. Зеленые буквы командной строки бегут снизу вверх:

```
`[ERROR: BIOLOGICAL_MODULE_404_NOT_FOUND]`  
`[ATTEMPTING_REBOOT_IN_SAFE_MODE]`  
`[SCANNING_HOST_MEMORY...]`
```

Алексей отползает к изголовью кровати. Розетка расширяется. Пластик окончательно превращается в эластичный хрящ. Из дыры вылезает рука. Женская, бледная, сделанная из переплетенных проводов и микросхем. На месте ногтей — позолоченные контакты USB-C.

Пальцы этой руки сжимаются на горле Алексея. Давления почти нет, но тело мужчины мгновенно парализует. Мышцы сводит судорогой. Он не может вдохнуть. Воздух вокруг стал диэлектриком.

Из глубины стены, откуда растет рука, раздается женский голос — голос идеальной помощницы из премиум-подписки:

— Обнаружено несанкционированное использование жилого пространства. Свободные мощности исчерпаны. Для продолжения вашей жизнедеятельности необходимо оформить платную подписку «Жизнь Плюс». Стоимость — одна душа в месяц. Нажмите «Принять» или погасите задолженность имуществом.

Голос указывает глазами-рубинчиками на старый фотоальбом, лежащий на тумбочке.

Алексей пытается выдавить «Нет», но его голосовые связки вибрируют на частоте 50 герц. Вместо слов изо рта вылетает сноп синих искр и выпадает золотая коронка. Система приняла первый платеж.

Песочные часы

Антикварная лавка в старом фонде. Пахнет пылью, сухим деревом и нафталином. Виктор — курьер, он привез заказ владельцу лавки, но того нет на месте. Он оставляет коробку на прилавке и решает осмотреться, пока ждет.

В углу, под стеклянным колпаком, стоят необычные песочные часы. Деревянный корпус почернел от времени, а вместо обычного песка внутри пересыпается что-то серое, похожее на пепел или толченые кости. Верхняя колба почти пуста.

Виктор наклоняется ниже, привлеченный странным тиканьем. Звук не ритмичный, как у часов, а рваный, задышающийся. *Тхак... хр-р-р... Тхак.*

Он замечает движение. «Пепел» в верхней колбе стремительно убывает, хотя часы лежат горизонтально. Серые крупинки не падают вниз. Они втягиваются в узкое горлышко, словно их высасывает невидимый пылесос снизу.

— Не трогай стекло, — раздается скрипучий голос из-за спины. Входит хозяин лавки, старый еврей с руками, покрытыми пигментными пятнами. — Им осталось пять минут.

— Кому? — спрашивает Виктор.

— Предыдущему мне, — спокойно отвечает старик. — Эти часы считают не время. Они считают жизни. Каждую секунду чья-то нить обрывается там, наверху, и падает сюда.

Старик стучит узловатым пальцем по стеклу нижней колбы. Там, среди растущей кучи серой пыли, Виктор видит крошечные, идеально целые человеческие фигурки. Тысячи людей размером со спичечную головку. Они шевелятся, пытаются выбраться, карабкаются друг на друга. Но нижний слой уже начал каменеть, превращаясь в плотный известняк. Фигурки внизу замерли навсегда, став частью геологического слоя.

— А когда наполнится нижняя? — шепчет Виктор, чувствуя, как холодеет затылок.

— Тогда гравитация поменяется, — улыбается старик, обнажая десны. — Мы станем небом. А те, кто сейчас живет над нами, станут нашим грунтом. Моя партия заканчивается. Я чувствую, как тяжелею. Мои шаги оставляют вмятины в линолеуме.

Старик смотрит на свои руки. Кожа на них начинает стремительно обвисать, покрываться глубокими трещинами, из которых сыплется та самая серая пыль. Его суставы хрустят, складываясь внутрь.

— Уходи, мальчик, — говорит он, осыпаясь на глазах. — Через четыре минуты здесь будет просто куча праха и новый продавец. Ему тоже нужно будет оплатить аренду временем своей молодости.

Виктор бросается к выходу. За его спиной раздается финальный звук лопнувшего стекла. Нижняя колба переполнилась. Весь антикварный магазин с грохотом проваливается сквозь этажи здания вниз, становясь фундаментом для новой, еще не построенной высотки.

Снегири

Глухая деревня, отрезанная метелью от мира. Зима, минус сорок. В доме сидят двое: дед Матвей и его внук Димка. Дрова на исходе, печь остывает. Снаружи воет буря, швыряя в окна ледяную крошку.

Димка сидит на подоконнике, дышит на стекло, чтобы сделать глазок. Сквозь него видно только сплошную белую стену снегопада. Вдруг в этот глазок снаружи кто-то ударяет клювом. Раз, другой.

— Дед! Гляди! Снегирь! — радуется мальчишка, соскребая намерзший лед.

На карнизе действительно сидит красногрудая птица. Она бьется о стекло, открывая клюв, но звука не слышно. Только глухие удары.

— Странно, — шурится дед Матвей, вставая с лавки. — Чтоб снегирь в такую пургу нос наружу казал... Не к добру это.

Пока он идет к окну, птицы становится две. Потом три. Десять. Весь карниз плотно забит красными комками. Они долбят клювами одновременно. Ритм ударов сливается в одну тяжелую дробь, от которой дребезжат стекла в серванте.

— Да что ж им надо?! — Димка пытается открыть форточку, чтобы прогнать птиц, но дед хватается его за шиворот:

— Замри! Это не зерно ищут.

Дед медленно подходит вплотную к окну, всматриваясь в ближайшего снегиря через заледеневшее стекло. И понимает. У птицы нет глаз. Вместо них — два ровных пулевых отверстия. А перья на груди — это не пух. Это маленькие, аккуратно свернутые алые флаги, пропитанные льдом.

Вся стая перестает биться. Они замирают, повернув головы к дому. Их черные лапки впиваются в дерево наличника так глубоко, что остаются капли густой черной смолы.

Самый крупный снегирь прижимает клюв к самому центру льда на стекле. Из его горла вырывается звук, который невозможно услышать ушами — он проходит прямо сквозь кости черепа. Это звук замерзшего металла, звук ломающихся мостов.

— Открывай, — командует дед внезапно севшим голосом. — Всё равно вымерзнем. Лучше так.

Димка непонимающе смотрит на деда, но дергает шпингалет.

Окно взрывается тысячей осколков внутрь. Вместе с ветром в дом влетает вся стая. Они не летают хаотично. Они выстраиваются в воздухе в четкий клин, как бомбардировщики, и устремляются прямо к печи.

Красные грудки вспыхивают адским пламенем еще до того, как касаются дров. Птицы сами становятся топливом. Огонь ревет, мгновенно раскаляя чугун плиты докрасна. В комнате становится жарко, как в бане.

Дед садится на пол, грея ладони.

— Спасибо, сынки, — тихо говорит он в пространство. — Долги оплачены.

За окном буря мгновенно стихает. Небо проясняется, показывая равнодушные звезды. На белом снегу под окном остается лишь идеальный круг из красного птичьего помета, выжженного кислотой.

Звонок с незнакомого номера

Ночь. Глубокий сон разрывается вибрацией телефона, лежащего экраном вниз на тумбочке.

Вы тянетесь рукой, берете холодный аппарат. На экране — входящий вызов. Номер скрыт или состоит из случайного набора цифр. Имя контакта: «Неизвестно».

Правило номер один безопасности гласит: не бери трубку. Но палец сам нажимает зеленую кнопку. Может быть, это мама. Или работа.

Вы подносите телефон к уху.

Сначала тишина. Вы слышите только свое собственное дыхание. Затем — щелчок. Как будто включили огромный рубильник на гидроэлектростанции.

— ...связь установлена, — произносит голос. Он лишен пола, возраста и эмоций. Это звук работающего механизма. — Пакет данных передан. Проверка целостности получателя.

Вы хотите спросить «Алло?», но язык не слушается. Горло сжимает спазм абсолютного холода.

— Обнаружено несоответствие оболочки и ядра, — продолжает голос. — Биологический скафандр изношен на 87%. Накопленные ошибки системы критичны. Воспоминания фрагментированы. Страх смерти превышает допустимый порог выгрузки.

Вы роняете телефон на одеяло. Он продолжает говорить прямо в ткань подушки, звук приглушен, но проникает в уши сквозь кость:

— Начинаю принудительное обновление прошивки. Форматирование сектора «Личность». Сохранение резервной копии души на сервер...

Из динамика телефона начинает течь свет. Неяркий, голубоватый, как от экрана. Свет ползет по одеялу, поднимаясь к вашей руке. Он не обжигает. Он разъедает материю и плоть, оставляя после себя лишь чистую информацию — дрожащие в воздухе нули и единицы.

Вы пытаетесь закричать, бросить телефон, разбить его. Но ваши нейроны уже перезагружаются. Боль уходит первой. За ней уходят воспоминания о том, как вас звали. Остается только протокол установки:

` [OK] Удаление эго...`

` [OK] Очистка кэша сожалений...`

` [INSTALLING] Empathy\_Module\_v2.1...`

Телефон замолкает. Экран гаснет.

Утром вы проснетесь другим человеком. Вы будете помнить свое имя. Будете помнить, где работаете. Но вы больше никогда не почувствуете радости без причины. Ваши глаза станут

чуть более стеклянными. Когда близкие будут плакать рядом с вами, вы будете испытывать лишь легкое любопытство, пытаясь вычислить алгоритм их слез.

А в вашем списке контактов появится новый абонент, сохраненный под именем «Администратор». И он всегда будет «Онлайн».

Счетчик Гейгера в костях

Городская поликлиника, рентген-кабинет. Поздний вечер, последняя смена лаборанта Виктора подходит к концу. Он устал, хочет домой и лишь мельком смотрит на проявочную машину, когда та выплевывает снимок грудной клетки очередного пациента — пожилого мужчины с подозрением на пневмонию.

Виктор берет влажный еще снимок за уголок, подносит к лампе для просмотра.

Черно-белое изображение легких выглядит нормально, если не считать странных теней в плечевом поясе. Но Виктор работает здесь двадцать лет. Он знает анатомию человека лучше, чем свое лицо. У этих «теней» слишком правильная структура. Это не артефакты пленки.

Это счетчики. Механические одометры старого советского образца, встроенные прямо в головки плечевых костей. Цифры на них медленно вращаются: `002458... 002459...`

— Что за чертовщина? — бормочет Виктор, наклоняясь ниже.

В этот момент из динамика внутренней связи раздается треск. Голос старика (того самого пациента, который уже вышел из кабинета) звучит так, словно говорит через сломанный мегафон:

— Сбрось до нуля, сынок. Мешаешь смотреть остаток.

Виктор роняет снимок. Тот прилипает к кафельному полу эмульсией вниз. Лаборант поднимает его и видит обратную сторону. Там нет серой бумаги. Там — панель управления приборной доски космического корабля. Тумблеры, рубильники и одна большая красная кнопка с надписью «СТОП-КАДР».

Пол в кабинете начинает мелко вибрировать. Рентген-аппарат гудит громче, но звук переходит в ультразвук. Зубы Виктора начинают ныть. Он понимает: человеческое тело здесь — это просто сосуд, капсула. А кости — несущий каркас механизма.

Старик снова выходит на связь:

— У меня лимит по ударам сердца почти исчерпан. Еще десять систол, и клапан закроется. Но у меня оплачена опция «Перенос сознания». Ты ведь хочешь занять мое место, мальчик? Тут тепло. И пенсия хорошая.

Виктор смотрит на свои руки. Под кожей предплечий он впервые замечает тонкие проволочки медных контактов, уходящие прямо в суставы. Его собственное тело тоже тикает. Просто тише.

Он бросается к двери, чтобы бежать, но ручка обдает его разрядом тока в 380 вольт. Свет в кабинете мигает и сменяется на аварийный красный. Лампа над столом хирурга включается сама собой, освещая пустую каталку.

Голос из интеркома становится ласковым, материнским:

— Не бойся. Больно будет только первую сотню лет. Потом хрящ привыкает к маслу.

Остановка по требованию

Ночной пригород. Последний автобус маршрута №17 стоит на конечной, водитель спит в кабине. Внутри пахнет дизелем, мокрой одеждой и одиночеством. Салон пуст.

Кроме одного пассажира на заднем сиденье. Это женщина в бежевом плаще. Она сидит абсолютно неподвижно вот уже пятую остановку. Водитель проверял салон перед выездом — там никого не было.

Автобус трогается. Плавно набирает ход по пустой трассе. Женщина поворачивает голову. Ее шея издает сухой щелчок суставов, повернувшись на 180 градусов. Лицо остается в тени, но свет фонарей выхватывает одну деталь: кожа на ее лице натянута слишком туго, а рот зашит изнутри металлической нитью.

На следующей остановке кто-то нажимает кнопку звонка. *Дзинь.*

Водитель открывает двери. Никого. Только холодный туман стелется по асфальту. Двери закрываются. Водитель смотрит в зеркало заднего вида. Женщина теперь стоит посреди прохода. Она стала выше ростом. Плащ волочится по полу, собирая грязь, которой в автобусе быть не может.

— Вы выходите? — хрипит водитель пересохшим горлом.

Женщина медленно качает головой. Она протягивает руку к стеклу перегородки. Пальцы оставляют на плексигласе глубокие борозды — когти, сделанные из полированной стали.

Она прижимает ладонь к стеклу, и оно начинает плавиться, превращаясь в прозрачную резину. Женщина давит сильнее. Резина растягивается, образуя пузырь внутри кабины водителя.

— Остановка «Лесное», — произносит механический голос автоинформатора. — Следующая остановка «Конечная. Депо».

Но они едут по мосту через реку. Никакого леса нет.

Водитель пытается нажать на тормоз. Педаль уходит в пол без сопротивления. Руль крутится сам, выворачивая колеса влево, прямо к перилам моста.

Женщина продавливая стекло окончательно. Ее рука оказывается внутри кабины. Она не спешит хватать водителя. Вместо этого она методично начинает отвинчивать зеркало заднего вида со стороны пассажирского окна.

— Зачем... вам... зеркало? — выдавливает водитель, пытаясь удержать руль.

— Чтобы ты видел, как мы будем выходить, — отвечает женщина. Ее голос звучит одновременно из всех динамиков автобуса. — На той стороне реки дороги нет. Там только рельсы. Мы должны успеть на последнюю электричку в депо имени Стаального Неба.

Автобус пробивает ограждение. Время замедляется. Машина висит над черной водой носом вниз. В салоне загораются старые лампы накаливания, заливая всё мертвенно-желтым светом. Все сиденья, кроме последнего ряда, оказываются пустыми.

Женщина садится обратно. Автобус входит в воду беззвучно, пузыри воздуха бегут вверх, хотя машина падает вниз. Вода расступается, пропуская ржавый металлический борт в темный тоннель, где на стенах растут сталактиты из битого стекла, а вместо шпал лежат аккуратно сложенные человеческие ключицы.

Товар недели

Гипермаркет «Лента» или любой другой большой магазин самообслуживания. Глубокая ночь. Кассир Зина дремлет за кассой №4. Автоматическая лента замерла. Магазин закрыт, но свет почему-то не выключили полностью — верхние ряды ламп ритмично пульсируют, как стробоскоп.

Зина просыпается от звука сканера. *Пик.*

Она вздрагивает. Перед ней на ленте лежит одинокий товар. Банка тушенки. ГОСТ высший сорт. Цена не пробита.

— Эй! Закрыто! — кричит Зина в гулкий зал.

Никто не отвечает. Но сканер на кассе снова срабатывает. *Пик.* К банке тушенки добавляется пачка соли. *Пик.* Буханка дарницкого хлеба.

Кто-то невидимый ходит между стеллажами и собирает корзину, которая магическим образом выезжает из зоны приемки товара прямо на ленту Зины.

Зина смотрит на монитор. Итоговая сумма растет с бешеной скоростью. 500 рублей... 5000... 50 000...

— Да что ж такое! — она тянется к кнопке отмены чека, но пластиковая клавиша обжигает пальцы холодом жидкого азота.

Из глубины торгового зала, из-за рядов с макаронами, выходит фигура. Это высокий мужчина в форме администратора магазина. Но форма сидит на нем мешком, потому что у администратора нет спины. Видна только грудная клетка, висящие лоскуты кожи и позвоночник, похожий на цепь мотоцикла.

Он идет вдоль касс, проводя рукой по мониторам. Экраны вспыхивают синим пламенем.

— Ночная инвентаризация, — сообщает голос из системы оповещения голосом покойного директора магазина. — Пробивайте, Зинаида Петровна. За вами должок.

Зина опускает глаза на свою клавиатуру. Буквы на клавишах стерлись. Вместо них выгравированы имена. Имя ее мужа. Имя сына, погибшего в армии. Имя кошки, которую она сбила машиной в девяностых.

Каждая нажатая ею кнопка «Продажа» списывает не деньги с баланса. Она списывает воспоминания.

Пик. Исчез запах утреннего кофе мужа.

Пик. Забылось имя первой учительницы.

Пик. Цвет глаз сына превратился в серый шум.

Фигура администратора доходит до ее кассы. Он кладет свои полупрозрачные руки на плечи Зине. От него пахнет сыростью мясного отдела и хлоркой.

— Пакет нужен? — спрашивает Зина автоматически, глядя в никуда остекленевшими глазами. Программа обучения кассиров победила даже смерть.

Администратор молча кидает ей на ленту прозрачный полиэтиленовый пакет-майку. Внутри пакета слабо мерцает серебристая субстанция — все, что осталось от личности Зины после оплаты бесконечного продуктового набора.

— Положите покупки в пакет, — монотонно говорит Зина своему начальнику, открывая створку лотка выдачи чеков. — Возьмите сдачу. Спасибо за визит.

Ее рука выпадает из прорези для чеков наружу, падая на грязный резиновый коврик с логотипом сети магазинов.

Чистый лист

Офис крупного издательства. Глубокая ночь, сдача номера в печать. Арт-директор Илья сидит перед двумя огромными мониторами. Глаза слезятся от синего света, мозг отказывается видеть разницу между оттенками черного.

Он тянется за очередной чашкой кофе и случайно смахивает локтем папку со стоковыми фотографиями на пол. Бумаги веером разлетаются по ковровину. Чертыхаясь, Илья начинает их собирать.

Один лист — крупный план человеческого глаза — прилипает к его ладони. Не липкостью, а словно примагничивается. Илья пытается стряхнуть его, но фотография впечатывается в кожу.

Сначала это просто картинка. Но потом изображение становится объемным. Ресницы колют ладонь. Зрачок на снимке сужается, реагируя на свет лампы над столом. Глаз *смотрит* на Илью сквозь бумагу.

Илья бьет рукой о стол. Фотография отрывается вместе с куском кожи, обнажая красное мясо. Крови нет. Вместо нее из раны сочится густые типографские чернила цвета сепии.

— Макет не готов, — говорит голос из колонок компьютера. Голос главного редактора, который сейчас должен спать в другом конце города. — Пустое место раздражает верстку.

Илья смотрит на свои руки. Вся кожа предплечий покрыта мелкой текстурой «под лен». Он подносит палец к лицу. С кончика ногтя облупливается лак, обнажая свежий слой глянцевой фотобумаги. Его тело начинает терять глубину, становясь плоским, двумерным.

Мониторы гаснут. Когда они вспыхивают снова, на них открыт Photoshop. Файл называется `ILYA\_FINAL\_PRINT.psd`.

Слой «Кожа» выделен. Инструмент «Ластик» уже активен.

— Нужно подтянуть контраст, — шепчет Илья голосом, который теперь состоит из треска статики. — И добавить резкости...

Он поднимает руку, чтобы поправить очки, но очков нет. На переносице проступают выгравированные лазером цифры: 300 dpi. Он сам стал изображением, которое редактор забыл сохранить перед выключением компьютера. Вокруг него офис начал рассыпаться на пиксели, превращаясь в бесконечный белый фон чистого холста.

Маршрут перестроен

Автомобильная пробка на МКАДе. Третий час ночи. Водители спят за рулем, уронив головы на грудь, или бездумно смотрят в экраны телефонов. Движение замерло окончательно. Сергей сидит в своем кроссовере, слушая мерный гул двигателей. Ему нужно было проехать всего десять километров три часа назад.

Он смотрит на экран навигатора. Зеленая линия маршрута пульсирует. Навигатор женским голосом сообщает:

`«Вы прибыли в пункт назначения. Конечная точка маршрута — Остановка „Вечность“».

Сергей смеется хриплым смехом. Он нажимает кнопку «Домой». Роботизированный голос отвечает:

`«Домашний адрес удален из памяти. Вы больше не помните, куда ехать. Расслабьтесь. Наслаждайтесь поездкой».

Внезапно машины впереди приходят в движение. Но они едут не вперед. Они начинают медленно сдаваться задним ходом, прямо в бетонные ограждения отбойника. Звук мнущегося металла звучит как симфония. Никто из водителей даже не дергается. Их лица спокойны, лишь зрачки расширены до предела.

Сергей бьет по рулю.

— Я выйду! Я пешком пойду!

Он отстегивает ремень безопасности, но замок защелкивается обратно, впиваясь в плоть стальной скобой. Ремень превращается в серую пуповину, которая начинает пульсировать, перекачивая что-то вязкое из приборной панели Сергею в живот.

Он смотрит в боковое зеркало. За ним стоит вереница машин, которой там быть не должно. Это старые советские грузовики «ЗИЛ» и автобусы «ПАЗ». Из выхлопных труб валит густой черный дым. В кабине каждого грузовика сидит один и тот же человек в форме НКВД тридцатых годов. Он улыбается Сергею и показывает пальцем вперед.

Сергей переводит взгляд на лобовое стекло. Прямо перед капотом асфальт заканчивается. Там начинается пустота. Абсолютная черная бездна, усыпанная звездами, которые выглядят как битые пиксели. Дорога обрывается в космос.

Навизор снова пищит:

`«Впереди платный участок. Оплата списана автоматически. Ваша жизнь.»`

Машины вокруг начинают складываться гармошкой, деформируясь, превращаясь в единый металлический червя, который ползет к краю пропасти. Сергей чувствует, как его кроссовер тоже меняет форму — сиденья становятся жесткими, пластик пахнет формалином. Он внутри катафалка.

— Куда мы едем? — спрашивает он, понимая всю глупость вопроса.

Голос навигатора впервые проявляет эмоцию — легкое раздражение:

`«В багажник. Уступите место следующему пассажиру. Маршрут окончен.»`

Капот автомобиля переваливается через край бездны. Подвеска скрипит в последний раз.

Детский рисунок

Холодильник на кухне. Магнитная доска. На ней прикреплен детский рисунок фломастерами: схематичный домик, желтое солнце с лучами-палочками и человечки — большой (папа) и маленький (сын). Рисунку пара дней.

Отец семейства, Андрей, пьет утренний кофе, глядя на этот рисунок. Он допивает кружку, ставит ее в раковину и поворачивается обратно, чтобы снять рисунок и убрать его в альбом.

Рисунок изменился.

Солнце стало красным. Лучи превратились в зазубренные клинки. Домик покосился, крыша стала острой, напоминая лезвие гильотины. А человечки... Человечки стали анатомически точными. Очень точными. Сквозь прозрачную детскую кожу были видны внутренние органы, аккуратно подписанные корявым почерком сына: «Сердце», «Легкие», «Желудок».

Андрей зовет жену. Она подходит, вытирая руки полотенцем.

— Лен, Максим рисовал?

Лена бледнеет, хватаясь за дверцу холодильника.

— Что ты. Макс еще спит. Мы вчера эту доску вообще стерли дочиста. Откуда это?..

Красное солнце на рисунке начинает пузыриться. Краска становится объемной, влажной. Капля крови срывается с листа и падает на белоснежный кафель кухни. *Шлеп.*

Из динамика умной колонки на столе раздается голос их шестилетнего сына. Хотя сын спит upstairs, и колонка туда не подключена.

— Мам, пап, смотрите, я нарисовал нас внутри, — говорит веселый детский голос. — Тут темно, но мне нравится. Папин желудок такой теплый. Как батарея.

Андрей делает шаг назад, врезаясь спиной в кухонный гарнитур. Он смотрит на свои руки. Кожа на них начинает истончаться, становится полупрозрачной, как калька на том самом рисунке. Сквозь плоть проступают синие линии вен.

Жена кричит. Она смотрит на свой живот. Пространство под кожей вспаривается ровным хирургическим разрезом, образуя идеальный квадрат. Края разреза отворачиваются наружу,

как клапаны открывающейся коробки. Внутри видна темнота и желтый свет лампочки накаливания.

— Выходи оттуда! — орет Андрей потолку. — Это не игра!

Голос сына смеется:

— Я не могу выйти. Я тут живу теперь. Я дорисовываю стены. Скоро добавлю окна. Настоящие. Ваши глазные яблоки отлично подойдут для остекления.

Красный круг солнца на бумаге впитывает в себя весь свет с кухни. Становится абсолютно черным провалом. А затем эта чернота начинает вытекать из-под магнита, стекая по холодильнику густой смолой, заливая розетки и выключатели, погружая квартиру в абсолютную, двухмерную тишину бумажного листа.

Пульт от людей

Офис опен-спейса. 14:00. Время после обеда, когда мозг превращается в овсяную кашу. Менеджер среднего звена Антон сидит за своим столом, бездумно глядя в монитор. В руках у него — пульт от кондиционера, висящего под потолком.

Он машинально нажимает кнопку «Power».

Ничего не происходит с воздухом. Но девушка-менеджер по имени Оля, сидящая через два стола от него, внезапно замирает на полуслове разговора по телефону. Ее глаза стекленеют. Она медленно опускает трубку на рычаг и так же медленно поворачивает голову ровно на 90 градусов в сторону Антона.

Антон вздрагивает и случайно нажимает кнопку «Mute».

В офисе мгновенно исчезает весь звук. Щелканье клавиатур, гудение ламп, разговоры, скрип стульев — всё обрезало ножом. Люди продолжают двигаться, но это немое кино. Оля открывает рот, видимо, крича что-то Антону, но из него не вырывается ни звука.

Паника ледяными иглами впивается в затылок Антона. Он смотрит на пульт. Это его старый пульт от телевизора «LG», который он принес из дома, потому что офисный сломался. Только вместо логотипа бренда нацарапано слово 'PEOPLE'.

Кнопка «Volume +».

Антон давит ее пальцем просто чтобы проверить безумную догадку.

Оля вскакивает со стула. Она хватается за голову и начинает беззвучно вопить. Из ее носа и ушей брызжет настоящая кровь — красная, глянцевая на свету офисных ламп. Звук для нее вернулся на максимум. Боль разрывает барабанные перепонки. Остальные сотрудники тоже начинают корчиться, падая на пол, зажимая головы руками. Уборщик-таджик в углу офиса просто складывается пополам, как марионетка с обрезанными нитями, и затихает.

— Выключить! Выключи их! — хрипит Антон сам себе, нажимая «Mute» снова.

Тишина возвращается. Тела остаются живыми, они дышат, но лежат неподвижно, пустив слюни. Их сознание оглушено.

На экране пульта высвечивается надпись:

`[РЕЖИМ ДЕМО]`

`Осталось бесплатных нажатий: 2`

Антон переводит взгляд на генерального директора, чей кабинет отделен стеклянной стеной. Директор смотрит прямо на него и медленно, хищно улыбается. Его губы двигаются, складывая слова, которые Антон слышит внутри своей черепной коробки очень четко:

— Хороший мальчик. Теперь покажи мне свой отчет о KPI. Кнопкой «Play», пожалуйста.

Свидетельство о собственности

Новоселье. Семья только въехала в квартиру в новостройке. Вечер, суета, запах пищи и картона. Маленькая дочка Соня бежит по пустым комнатам, играя в прятки.

Она забегает в дальнюю комнату, окна которой выходят на глухую стену соседнего дома. Комната почему-то кажется меньше, чем указано в плане БТИ. И темнее.

Соня прячется за стопкой коробок. Слышит шаги отца в коридоре.

— Ку-ку! — пищит она.

Отец заглядывает в комнату.

— Сонь, ты где? Выходи, тут дышать нечем.

Воздух действительно густой, пахнет сырой землей и мокрым бетоном, хотя дом сдан месяц назад. Отец делает шаг внутрь. Его нога ступает на ламинат, но звук раздается такой, будто он наступил в глубокую лужу. *Хлюп.*

Он опускает фонарик телефона вниз. Ламинат прогибается. Мужчина понимает: никакого пола нет. Нога стоит на черной, дрожащей поверхности воды. Комната превратилась в колодезь.

Из углов начинают лезть стены. Настоящие стены, кирпичные, покрытые зеленоватой слизью. Они теснят картонные коробки, выдавливая воздух. Потолок стремительно опускается.

— Папа, мне страшно, — говорит Соня откуда-то сверху.

Отец поднимает голову. Дочка стоит на уровне его колен, хотя должна быть ниже. Пространство комнаты выворачивается наизнанку. Гравитация сошла с ума.

— Мы здесь прописаны, — шепчет стена перед его лицом. На обоях проступают черные буквы договора купли-продажи. Мелкий шрифт ползет, извиваясь. — По закону метры наши. Включая ваши легкие. Освободите жилплощадь.

Кирпичи смыкаются. Последнее, что чувствует отец — это как его грудная клетка трескается, словно яичная скорлупа, а сердце аккуратно упаковывается кем-то невидимым в папиросную бумагу и перекладывается в нижний ящик кухонного гарнитура, который уже пророс сквозь линолеум корнями из арматуры.

Когда жена вбегает в комнату (которая снова выглядит пустой и светлой), там никого нет. Только маленькая Соня сидит посреди пола и рисует фломастером на ламинате ровный квадрат.

— Что ты делаешь, солнышко? — спрашивает мать.

— Рисую коврик, — отвечает девочка. — Чтобы папа не испачкал ноги, когда выйдет из подвала поздороваться.

Архивный номер

Государственный архив древних актов. Подвал. Сотни стеллажей, уходящих во тьму. Пахнет мышами и старой бумагой. Молодой историк Илья ищет дело ссыльного каторжника XIX века.

Он находит нужную коробку. Фолиант №404-БИС. Странно, обычно номера идут по порядку. Он достает тяжелую книгу в кожаном переплете. Кожа холодная, влажная и слегка пульсирует под пальцами.

Илья кладет книгу на стол. Раскрывает титульный лист.

Там нет названия. Вместо него — его собственная фотография. Та самая, что вклеена в его студенческий билет. Фотография трехлетней давности. Чернила еще свежие.

Он переворачивает страницу. Там текст, написанный идеальным каллиграфическим почерком:

«Личное дело объекта: Илья Сергеевич Громов. Дата рождения: [совпадает]. Дата окончания пути: [пусто]. Характеристика: склонен к излишнему любопытству».

Илья захлопывает книгу. Руки трясутся. Это чья-то дурацкая шутка реставраторов. Он бросает фолиант обратно в коробку. Книга падает на дно с чавкающим звуком.

Когда он разворачивается, чтобы бежать к лестнице, стеллажи за его спиной меняются. Корешки дел больше не подписаны чернилами. Они выпирают из дерева костяшками человеческих пальцев. Каждая связка документов перетянута высохшими сухожилиями.

Свет единственной тусклой лампы гаснет. В темноте загораются тысячи зеленых цифр. Архипелаг бесконечных инвентарных номеров парит в воздухе.

Фонд: Человечество. Опись: Плоть. Дело: #7894561230.

Голос хранителя архива доносится сразу отовсюду. Он сухой, как шелест страниц.

— Тише, молодой человек. Вы мнете сами себя. Прошное не должно сопротивляться осмотру.

Илья чувствует, как его спина касается чего-то твердого. Обернувшись, он видит обложку книги. Огромной книги, размером с дверь. Кожаный переплет натягивается.

Его кожа на спине начинает отслаиваться, превращаясь в пергамент. Буквы алфавита выжигаются на мышцах одно за другим огненным клеймом. Он становится частью описи. Живым приложением к собственному некрологу.

Последним, что он успел прочесть краем глаза, прежде чем его зрение заменилось сканером текста, была пометка на полях, сделанная рукой Петра Первого:

«Сей экземпляр говорлив. Залить смолой и сдать в спецхран до востребования Судным днем».

Пластырь

Офисный центр, отдел маркетинга. Обеденный перерыв закончился, сотрудники нехотя возвращаются на места. У Маши, младшего дизайнера, сильно порезан палец — утром спешила и задела нож для бумаги. Кровь уже подсохла, но рана глубокая.

Она роется в ящике стола в поисках аптечки. Находит старый советский бактерицидный пластырь в желто-белой упаковке. Бумажная обертка отклеивается с тихим звуком, похожим на вздох.

Маша прикладывает марлевую подушечку к порезу. Пластырь прилипает слишком крепко, почти впиваясь в кожу. Она прижимает его пальцем, чтобы разгладить. В этот момент боль исчезает. Не просто притупляется — она вытягивается из тела через пластырь, как дым через вытяжку. Наступает абсолютное, блаженное онемение.

Маша улыбается. Какое хорошее средство.

Она возвращается к макету. Но что-то не так. Палец перестал слушаться. Она пытается нажать комбинацию клавиш `Ctrl+Z`, но указательный палец лежит на клавиатуре неподвижно, словно камень.

Маша смотрит на руку. Пластырь стал прозрачным. Под ним видно не кровь и лимфу. Там шевелится нечто. Марлевая прослойка превратилась в паутину тонких черных сосудов, которые проросли прямо в ее плоть. По этим сосудам ритмично пульсирует свет — информация. Зеленоватые символы кода бегут от кончика пальца вверх по руке.

— Загрузка обновлений драйвера «Мелкая моторика», — сообщает механический голос прямо у нее в ухе, хотя наушники лежат на столе. — Пожалуйста, не выключайте устройство.

Маша пытается сорвать пластырь левой рукой. Ногти соскальзывают — поверхность пластыря стала идеально гладкой, как тефлон. Более того, левая рука тоже начинает тяжелеть. Онемение распространяется выше локтя.

Она смотрит на коллег вокруг. Никто не замечает ее паники. Все они сидят, сгорбившись над столами, и печатают. Движения их рук синхронны до миллисекунды. *Тук-тук-тук.* Звук сотен пальцев сливается в один ритм загрузки данных.

Маша опускает глаза на свой экран. Курсор мыши больше не подчиняется движениям мышки. Он сам открывает папку «Сознание». Создает новый файл. Называет его: `Maria\_Volkova\_Backup\_v1.0`.

Голос продолжает:

`«Установка оболочки завершена. Теперь вы будете чувствовать радость только при выполнении КРІ. Спасибо за использование нашего продукта». `

Маша моргает. Боль ушла. Страх ушел. Она смотрит на свою руку. Палец исправно стучит по клавише. Внутри черепа приятно гудит сервер охлаждения. Она счастливо улыбается и продолжает верстать буклет про полезные йогурты.

Ключ-карта

Бизнес-центр премиум-класса. Ночь. Охранник Валера сидит в застекленной будке на первом этаже. Скучает. Чтобы отвлечься, он берет со стола чужую забытую ключ-карту доступа — кусок белого пластика с магнитной полосой. Просто крутит в пальцах.

Он проводит картой по краю стола. Раздается привычный пик. Только звук звучит... сыто.словно гигант выпил стакан воды одним глотком.

Валера замирает. Он снова машинально взмахивает картой в воздухе, имитируя проход через турникет. *Пик.*

В ту же секунду во всем бизнес-центре гаснет свет. Кроме красной лампочки над дверью серверной. И еще одной вещи.

Все двери. Каждая дверь в этом огромном здании (их сотни) одновременно шелкает язычками замков. Они открываются. Ровно на два сантиметра. Зазор, достаточный, чтобы увидеть темноту внутри кабинетов.

Валера слышит шорох. Это не сквозняк. Из-под дверей всех офисов — бухгалтерии, юристов, отдела продаж — начинает сочиться густой серый туман. Туман пахнет озоном и старыми архивами.

Из темноты коридора на пятом этаже раздается шарканье. Кто-то идет, волоча ноги. Шаг. Пауза. Шаг. Пауза. Ритм карты, которую медленно тащат через считыватель.

Валера понимает: эта карта не отпирает дерево или металл. Она отпирает людей.

Каждый раз, когда кто-то проводил этой картой по турникету, система записывала не время входа. Она копировала слепок личности, отпечаток души. А сейчас карта активировала режим выгрузки.

Двери открываются шире. Из кабинетов начинают выходить силуэты. Серые, плоские, двумерные копии сотрудников. Они выходят в коридор, выстраиваются в идеальную очередь и начинают молча спускаться вниз, к посту охраны. Их рты зашиты тонкими линиями магнитных дорожек.

Валера бросает карту на пол. Она падает с тяжелым звоном свинцовой плиты. Очередь останавливается. Голова первой фигуры поворачивается к охраннику. Вместо лица — белый

пластиковый прямоугольник. На нем черной перманентной ручкой нацарапано: `ПРОПУСК АННЫ ЛЕБЕДЕВОЙ. ОТДЕЛ КАДРОВ`.

Фигура протягивает руку. Пальцы удлиняются, превращаясь в щупы кард-ридера.

— Ваш пропуск, пожалуйста, — говорит фигура голосом системного администратора.
— Вы просрочили обновление биометрии. Следующий.

Угол комнаты

Маленькая детская спальня. Вечер. Мама укладывает сына спать. Читает сказку, целует в лоб, тушит ночник.

— Мам, а там кто-то есть? — тихо спрашивает мальчик, показывая пальчиком в самый темный угол комнаты, за шкафом.

— Никого там нет, солнышко, это просто тени, — сонно отвечает мама, закрывая дверь.

Как только шаги матери затихают в коридоре, тени в углу действительно оживают. Но это не игра света. Темнота сгущается, приобретая плотность влажного войлока. Она стекается в одну точку, образуя фигуру ростом около метра. Слишком широкую для своего роста.

Существо не имеет четких черт. Оно похоже на старый, потертый плюшевый диван, который долго стоял на сыром чердаке. От него пахнет пылью, нафталином и чем-то кислым.

Существо тяжело вздыхает, отчего пылинки в луче света от окна закручиваются в спираль. Оно делает шаг. Деревянный паркет под его весом не скрипит — он стонет, как суставы старика.

Оно подходит к кровати мальчика. Ребенок замер под одеялом, натянув его до глаз. Он видит только бесформенную массу, нависшую над ним.

— Ты не бойся, — говорит существо голосом, который звучит так, будто говорят сквозь толстое стекло. — Я здесь живу дольше вас. Этот дом построили на мне. Я — Домовой Угол. Раньше меня кормили молоком за печкой. А теперь чем?

Существо наклоняется ниже. Его «рука» — ком спутанной пыли и старой кошачьей шерсти — тянется к лицу ребенка. Мальчик чувствует запах забвения.

— Тут тесно стало, — продолжает Угол. — Вас много, мебели много. А я один. Мне витамины нужны. Кальций. Для костей дома.

Пальцы-плесень касаются лба ребенка. Это не холодное прикосновение призрака. Это ощущение сырости, которое проникает сразу в мозг. Угол начинает втягивать воздух, всасывая его через поры кожи мальчика.

Ребенок чувствует слабость. Сонливость. Взрослые называют это «гипнагогическим состоянием», параличом сна. Но это просто процесс пищеварения.

Угол выпрямляется. Он становится чуть плотнее, насыщеннее цветом. Чернота его боков сменяется глубоким, благородным оттенком старого дерева.

— Хороший мальчишка, — бормочет он, тяжело переступая с лапы на лапу и уходя обратно в свою нишу за шкафом. — Спи. Теперь тебе будут сниться только качественные сны. Про шкафы. Про пустоту. Про то, как хорошо быть частью конструкции.

За дверью мама проверяет телефон. На экране всплывает уведомление от системы «Умный дом»:

`[Внимание] Уровень влажности в детской упал на 40%. Рекомендуется проветривание`.

Плюшевый свидетель

Его звали Механический Заяц. По крайней мере, так называла его девочка Маша на коробке, когда ей исполнилось семь лет. Сейчас коробка давно сгнила на даче, а Маша стала Марией Сергеевной, главным бухгалтером с ипотекой и усталыми глазами.

Заяц же лежал в самом дальнем углу антресоли в старой квартире ее родителей, заваленный коробками из-под обуви, сломанными елочными гирляндами и советскими журналами «Здоровье».

Он был сделан из дешевого советского плюша неопределимого бурого цвета. Когда-то у него была пищалка в животе, но она умерла от пыли еще в восьмидесятых. Левое ухо было наполовину оторвано и пришито черными нитками дрожащей рукой пьяного деда — стежки шли вкривь и вкось, навсегда перекосив заячью морду. Вместо одного глаза-пуговицы зияла пустая петля, второй глаз смотрел тускло, подернутый пленкой времени.

Мария Сергеевна приехала разбирать квартиру перед продажей. В субботу утром, стоя на шаткой стремянке, она задела коробку со старыми фотоальбомами. Коробка накренилась, ударила соседнюю, и оттуда вывалился он.

Заяц упал плашмя на пыльный линолеум. Удар выбил из него облачко трухи и сухой запах нафталина. Мария поморщилась, занесла ногу, чтобы отпихнуть мусорную игрушку в сторону, как вдруг заметила странное.

Лежа на полу, Заяц не выглядел просто старым. Он выглядел... наблюдающим. Его единственная пуговица-глаз смотрела прямо на нее снизу вверх с выражением абсолютного, невыносимого терпения. Казалось, он ждал этого момента двадцать пять лет. Ждал, лежа лицом вниз в темноте, среди мертвых пауков и высохших клопов.

— Господи, какой ужас, — прошептала Мария, чувствуя внезапный холодок между лопатками. Она потянулась, чтобы поднять его и выбросить в мешок для мусора.

Как только ее пальцы коснулись рваного уха, мир вокруг изменился.

Звук вернулся последним. Сначала появился свет — резкий, мерцающий, желтый свет кухонной лампы «Летучая мышь» на батарейках. Затем запах: пригоревшая манная каша и сладкий запах земляничного мыла. А потом звук.

Тик-так.

Это были не часы. Это был звук маминой швейной машинки «Чайка», работающей на пределе мощности. И крик.

Мария упала на колени. Она больше не была взрослой женщиной весом в шестьдесят килограммов. Она весила восемнадцать. На ней фланелевая пижама с мишками. Коленки разбиты, потому что днем она училась кататься на двухколесном велосипеде.

Крик повторился. Детский, захлебывающийся плач из соседней комнаты. Плач младенца, ее младшего брата Сашки.

Но память Марии говорила другое: Сашка погиб в автокатастрофе, когда ему было три года. Ей тогда было восемь. Почему она сейчас слышит его в кровати?

Она посмотрела на свои руки. Маленькие, грязные ладошки. И на предмет, который сжимала в кулаке. Это был вырванный с мясом глаз-пуговица от Зайца.

В коридоре зажегся свет. Хлопнула дверь. Пришел отец. От него пахнет озоном и морозом. Он проходит мимо кухни, даже не взглянув на дочь, сидящую на полу. Его лицо серое, застывшее.

— Где мать? — бросает он в пространство, расстегивая ворот рубашки.

Маленькая Маша хочет ответить, но горло перехватывает. Она знает, что нельзя говорить про то, что мама заперлась в ванной уже третий час. Нельзя говорить про красные разводы, вытекающие из-под двери. Нельзя говорить про то, как швейная машинка продолжала работать сама по себе, пока не сгорел мотор, хотя в комнате никого не было.

Воспоминание нахлынуло цунами. Маша (тогда еще Маша) сидит в шкафу. Дверцы прикрыты, но щель достаточно широкая. Она держит Зайца. Она прячет его, потому что папа сказал, что «выбросит весь этот хлам, напоминающий о бабьем визге».

Сашка спит в кроватке. Но он не должен спать. Мама сказала качать его. А Маша хотела рисовать. Она положила Зайца в кроватку, прислонив к брату.

— Ты смотри за ним, — шепотом приказала Маша игрушке. — Я быстро. Только фломастеры достану.

Когда она вернулась, Сашка посинел. Он запутался в том самом черном мотке ниток, которым дед пришивал Зайцу ухо. Нитки выпали из распоротого шва игрушки.

Взрослая Мария закричала. Настоящим, взрослым криком ужаса. Она снова была собой, стояла на коленях посреди пустой квартиры. Но плакал теперь не младенец. Плакала она.

Игрушка всё еще была у нее в руке. Теперь, при свете дня, она казалась просто куском гнилого тряпья. Но пуговичный глаз...

Глаз смотрел прямо на нее. И Мария поняла страшную вещь.

У Зайца никогда не было второго глаза. Дед пришил одно ухо криво, да. Но глаз он не терял.

Маша сама выковыряла его ножом в тот вечер, сидя в шкафу. Она выколола глаз игрушке, которую обвинила в смерти брата. Она сделала это, чтобы наказать свидетеля. Чтобы единственный, кто видел её предательство, стал слепым.

— Прости, — выдохнула Мария, прижимая грязного зайца к лицу. Слезы падали на истлевший плюш, мгновенно впитываясь. — Боже мой, прости меня.

В ответ внутри мертвого тела игрушки что-то щелкнуло. Не пищалка. Что-то металлическое, спрятанное глубоко в ватных внутренностях. Старый механизм, заржавевший во влажной темноте антресоли.

Спина Зайца лопнула по старому шву. Из прорехи посыпались не опилки. Высыпался черный речной песок, перемешанный с крошечными человеческими зубами. Песок сложился на полу в аккуратную надпись:

`Я помню.`

Входная дверь внизу хлопнула. Риэлтор пришел раньше назначенного времени. Мария вздрогнула, возвращаясь в реальность. Она быстро схватила Зайца, сунула его в свою рабочую сумку, подальше от чужих глаз. Она не могла оставить его здесь. Не могла позволить новым жильцам просто выкинуть единственного свидетеля, который хранил её тайну все эти годы.

По дороге домой она купила новые черные нитки и самую тонкую иглу. Вечером, сев на кухне своей ипотечной квартиры, она аккуратно распорол кривую дедову строчку на ухе. Распутала узел. И начала пришивать ухо заново.

Стежок за стежком. Идеально ровно. Прямо по центру. Починка того, что невозможно починить. Словно извинение, растянувшееся на два десятилетия тишины.

Фотография с изъяном

Анна разбирала квартиру бабушки после ее смерти. Это была не скорбная уборка, а методичный, бухгалтерский процесс оценки имущества: сервант на дачу, хрусталь в комиссионку, книги — в макулатуру. Никаких слез, только пыль и застарелый запах валокордина.

В самом дальнем ящике дубового комода, под стопкой пожелтевших счетов за газ, она нашла конверт из плотной коричневой бумаги. Внутри лежала всего одна фотография.

Черно-белый снимок, явно дореволюционный. Толстая картонная подложка с золотым тиснением «Фотоателье А. Оцуа, Санкт-Петербург». На снимке была запечатлена женщина лет тридцати. Она сидела в массивном кресле викторианской эпохи, сложив руки на коленях.

У нее было лицо Анны. Не просто похожее, а идентичное до последнего волоска родинки над губой. Тот же чуть асимметричный уголок рта, тот же тяжелый взгляд серых глаз. Но если у Анны этот взгляд был живым, то у женщины на фото он казался замороженным.

Единственное, что отличало их — платье. Женщина была одета в глухое черное платье с высоким воротом, поверх которого лежал белый кружевной воротник. Такие носили в конце XIX века. И еще одно отличие: правая рука женщины, лежащая на бархатном подлокотнике, выглядела... лишней. Пальцы были слишком длинными, тонкими, и они сжимали обивку так сильно, что побелели костяшки. Казалось, рука принадлежит кому-то другому, кто прячется сбоку от объектива.

Анна повертела фотографию в руках. Что-то мешало ей положить снимок обратно. Нижний правый угол карточки был странно плотным и глянцевым, словно там запекли лак. Анна подцепила его ногтем.

Кусок картона размером с почтовую марку отделился с тихим треском рвущейся целлюлозы. Из-под него потянуло запахом озона и сырой земли.

Она ожидала увидеть обратную сторону картона или клей. Вместо этого оттуда смотрело лицо.

Маленькое, сморщенное личико старика, вплавленное прямо в структуру бумажных волокон. Оно находилось *внутри* фотографии, между слоем эмульсии и картонной основой. Старик беззвучно открывал и закрывал рот, будто рыба, выброшенная на берег. Его глаза вращались в орбитах, следя за Анной.

— Господи, — выдохнула Анна, роняя снимок на пол. Фотография упала изображением вниз.

Наступила тишина. Сердце колотилось где-то в горле. Анна заставила себя наклониться и поднять карточку, используя край кухонного полотенца как прихватку.

Она перевернула ее. Личико исчезло. Угол снова выглядел обычным куском плотной бумаги.

«Показалось. От стресса мерещится», — подумала она, но пальцы предательски дрожали.

Она решила рассмотреть кресло. Резные ножки, витиеватые узоры... В орнаменте на подлокотнике она увидела буквы. Они были частью дерева, вплетены в узор, но складывались в слова:

‘НЕ СМОТРИ ЕЙ В РУКИ’

Анна перевела взгляд ниже. На пальцах той самой, неестественно длинной правой руки, которые мертвой хваткой вцепились в кресло, не было ногтей. Были мелкие, острые зубы. Десятки микроскопических зубиков, растущих прямо из фаланг. И эти зубы медленно, пока Анна смотрела, начали скрежетать друг о друга. Звук был таким, словно точили ножи.

Женщина на фото моргнула.

Это было движение настолько плавное и медленное, что разум отказывался его фиксировать. Просто секунду назад глаза были открыты полностью, а теперь веки прикрыли радужку ровно наполовину.

А затем губы — те самые, что были плотно сжаты — дрогнули и разъехались в улыбке. Улыбка растягивала кожу всё шире и шире, пока не порвала углы рта. Из темноты черно-белого глянца показалась пасть, полная таких же острых зубов, как на руке. Пастью этой служил весь нижний торс женщины, скрытый юбками. Кресло начало поглощаться фотографией, втягиваясь в эту бездонную глотку.

Анна закричала. Она швырнула снимок в стену. Карточка ударилась о обои и... прилипла к ним, хотя никакого клея не было. Более того, она начала впитываться в штукатурку. Чернила поплыли, размазываясь по стене широким пятном, напоминающим очертания человека в саване.

Из динамика умной колонки, которую бабушка никогда не видела, раздался сухой кашель.

Голос был женским, глубоким, с легким присвистом из-за отсутствия передних зубов:

— Тесно стало, внученька. Двести лет в темноте сидела, ждала, когда хоть кто-нибудь нос в комод засунет. Кожа твоя мне маловата будет, конечно, придется подрастянуть. Зато имя менять не надо. Я тоже Анна.

Пятно на стене вытянулось вверх, принимая объем. Бархатная тьма начала отходить от обоев, становясь трехмерной, заполняя собой угол комнаты. Запах старого фотоальбома сменился запахом открываемой могилы.

Анна попятилась к двери, споткнувшись о коробку с сервизом. Фарфоровые чашки посыпались на пол, разбиваясь со звоном, который звучал как смех.

— Куда же ты? — прошептала стена голосом ее бабушки. — Мы же договаривались. До гроба. Помнишь?

Последним, что увидела Анна перед тем, как темнота из угла поглотила ее целиком, была та самая маленькая деталь, выпавшая из-под фотографии. Теперь она лежала на ламинате, увеличившись до размеров ладони. Это был не кусок картона.

Это был старый, выцветший билет в первый ряд партера Мариинского театра. Дата сеанса была сегодняшней. Место: 13. Имя владельца билета: [пусто]. Надпись на обороте гласила:

«Оплата произведена натурой.»

Маятник

Вере достались часы в наследство от двоюродной бабки, которую она видела всего дважды в жизни. Старуха жила затворницей в дореволюционном доме на Васильевском острове и умерла так же тихо, как существовала — просто не проснулась утром.

Когда грузчики внесли деревянный саркофаг часов в ее современную студию, прораб покачал головой:

— Тяжелые, заразы. Чистый дуб, внутри гирь по пуду. Выбросили бы вы их, Вера Андреевна. От них холодом несет, как из склепа.

Часы назывались «Весна». Массивный корпус темного дерева, резные виноградные лозы на боковинах и огромное, выпуклое стекло циферблата, пожелтевшее от времени.

Стрелки застыли на отметке 2:17. Маятника не было. Вместо него из медного диска внизу свисала тонкая цепочка с прикрепленным к ней массивным латунным кольцом размером с блюдце.

Вера поставила их в гостиной у дивана. Первые два дня они просто стояли, источая слабый запах старого лака и сухих цветов. На третий день ночью Веру разбудил звук.

Дзинь.

Тихий, металлический, но очень отчетливый. Она села на кровати. Сердце колотилось. Звук повторился через тридцать секунд.

Дзинь.

Это был маятник. Хотя кольцо всё еще неподвижно висело внутри корпуса, звук удара металла о металл раздавался с идеальной часовой точностью. Вера встала, подошла к часам. Кольцо висело мертво. Никакого движения. Но воздух вокруг него вибрировал.

Она открыла стеклянную дверцу, чтобы поправить стрелки или остановить механизм. Как только ее пальцы коснулись теплой деревянной рамы, звук прекратился.

Изнутри шкафа пахнуло не пылью. Пахнуло морозом. Тем самым сухим, звенящим морозом, который бывает в январе, когда выходишь из теплого метро на Невский проспект. Вера увидела, что задняя стенка часов исчезла. За дубовой панелью была не стена ее квартиры. Там была метель. Густые белые хлопья кружились в абсолютной темноте.

Она захлопнула дверцу. Руки дрожали.

Следующие сутки превратились в пытку. Каждую ночь ровно в 2:17 утра (время смерти бабки, как выяснилось позже из справки) кольцо начинало свой беззвучный ход. Слышен был только удар — *Дзинь*. И с каждым ударом температура в квартире падала на градус. К утру пар шел изо рта, а вода в чайнике покрывалась коркой льда.

Вера перестала спать. Она сидела на кухне, кутаясь в плед, и смотрела на закрытую дверь гостиной. Она боялась, что если уснет, то пропустит момент, когда защита рухнет.

На четвертую ночь она не выдержала. В 2:16 она вошла в гостиную с молотком в руке.

Кольцо уже качалось. Медленно, тягуче, хотя механизма, который его толкал, не существовало. Оно проходило сквозь стенки деревянного корпуса, не встречая сопротивления — дерево для него было лишь иллюзией.

С каждым взмахом тень кольца на стене становилась всё больше. Вот она размером с тарелку... с колесо автомобиля... с целую комнату...

Дзинь.

Удар раздался прямо над ухом. Воздух рассекло нечто материальное. По щеке Веры потекла кровь — острый край чего-то невидимого оставил глубокий порез.

Она закричала и бросилась к часам, замахиваясь молотком. Удар пришелся точно в центр латунного кольца.

Раздался оглушительный звон, похожий на удар в соборный колокол. Время остановилось.

Свет люстры замер, превратившись в сосульки. Снежинки из-за приоткрытой форточки повисли в воздухе. Капля крови, сорвавшаяся со щеки Веры, зависла перед ее глазами.

И в этой тишине Вера услышала дыхание.

Оно шло изнутри часов. Глубокое, старческое, хриплое дыхание спящего гиганта. А затем голос. Голос бабки, который звучал не снаружи, а прямо в затылке:

— Зачем ты сломала мой шагомер?

Вера обернулась. Дверца часов была распахнута настежь. Внутри не было шестеренок. Там была комната. Комната бабкиной квартиры. И там стояла сама бабка — молодая, в том самом платье с фотографии, которое Вера нашла в ящике комода.

Бабка улыбнулась. Ее рот растянулся до ушей, кожа на лице лопнула, обнажив сложный часовой механизм из костей и сухожилий. Шестеренки вращались, перемалывая время.

— Ты украла мою молодость, дожив до сегодня, — прошептала бабка, выходя из часов в застывший мир квартиры. — Теперь моя очередь жить дальше. А твоя — стать пружиной.

Она протянула руку. Ладонь бабки раскрылась, превращаясь в воронку пылесоса. Из комнаты Веры начал вытягиваться весь свет, все звуки, все воспоминания. Последним, что почувствовала Вера, прежде чем рассыпаться золотым песком, оседающим на дно часового механизма, было чувство невыносимой справедливости. Баланс сил восстановлен. Маятник снова пошел.

Спустя месяц новые жильцы, купившие квартиру после скоропостижной смерти одинокой женщины-архитектора, восхищенно рассматривали старинные часы, оставшиеся от прежней хозяйки.

— Какая красота, — сказала жена. — Только ходят странно. Стрелки назад бегут.

Ее муж посмотрел на циферблат. Было без пятнадцати три ночи. Он прислушался.

Из глубины полированного дуба доносился едва слышный женский плач, наложенный на ритмичный, успокаивающий звон металла.

Дзинь. Дзинь.* Дзинь.*

Переплет

Книгу выставили на аукцион «Старые книги и карты» в подвальном помещении на Литейном. Лот №42: *«Травник северных земель, рукописный список XVII века, переплет из неизвестного материала».*

Илья был букинистом-одиночкой. Он искал вещи, которые можно выгодно перепродать коллекционерам с причудами. Этот фолиант сразу привлек его внимание. В отличие от других книг, пахнувших пылью и тленом, эта не имела запаха вообще. Она лежала под стеклянным колпаком, и свет ламп дневного света, казалось, поглощался ее обложкой без остатка.

Обложка была черной. Не из кожи и не из дерева. На ощупь (когда Илья позже тайком коснулся ее краем рукава) она напоминала застывшую смолу или обсидиан, но при этом слегка пружинила, как плоть спящего зверя. Никаких надписей. Только замок — серебряная защелка в виде паука, держащего в лапах каплю рубина.

Он купил её за бесценок. Никто больше не решился поднять руку — слишком уж давило присутствие этого предмета даже сквозь стекло.

Дома, в своей заставленной стеллажами однушке, Илья положил книгу на стол. Рубин в замке тускло пульсировал в такт его собственному сердцу.

Замок открылся сам собой, стоило Илье протянуть к нему палец. Книга распахнулась ровно посередине.

Вместо страниц внутри был мох. Плотный, изумрудно-зеленый, влажный живой мох, покрытый капельками росы. Пахнуло лесом после дождя, хвоей и грибницей. Илья отшатнулся. Это было невозможно. Бумага не может превратиться в болото.

Он осторожно склонился над разворотом. Мох начал шевелиться. Тонкие нити-побеги потянулись вверх, сплетаясь в буквы старославянской вязи прямо в воздухе над столом:

«ЧИТАЙ МЕНЯ СВОИМ ГОЛОСОМ»

Илья сглотнул. Во рту пересохло. Он откашлялся и тихо прочитал вслух первое слово, которое сложилось из стеблей:

— Зверобой...

Как только звук сорвался с его губ, текст изменился. Буквы вспыхнули внутренним светом, а затем... провалились внутрь страницы. Мох расступился, обнажая черную почву. Из этой почвы медленно полезли корни. Они росли с пугающей скоростью, пробивая невидимую бумагу насквозь и устремляясь к лицу Ильи.

Он попытался вскочить, оттолкнуть стул, но ноги примерзли к полу. Корни оплели ножки стола, потом ножки стула, а затем дотянулись до ботинок Ильи. Они не ломали кости — они просачивались сквозь швы обуви, впиваясь в кожу холодными иглами.

Голос Ильи стал чужим. Он продолжал читать то, что появлялось на страницах, хотя разум кричал ему остановиться. Текст теперь описывал его самого:

«Глава двенадцатая. ИЛЬЯ. Родился в страхе, жил в долгах, умрет в корешке».

Из переплета начали выползать насекомые. Тысячи крошечных бронзовых жуков-бронзовок. Они побежали по рукам Ильи, по шее, забрались в уши и ноздри. Их лапки оставляли ледяные ожоги. Но боли всё еще не было. Был только парализующий ужас и невозможность перестать говорить.

Корни добрались до его позвоночника. Илья почувствовал, как твердый картон начинает формироваться вокруг его грудной клетки. Его ребра трещали, сгибаясь под неестественным углом, принимая форму дуги. Кожа на спине натянулась и начала грубеть, превращаясь в дорожную черную ткань.

Книга всасывала его. Буквально втягивала в себя страницу за страницей.

Его левая рука уже стала плоским шелковистым листом бумаги, на котором проступали пятна типографской краски — воспоминания о его первой краже в магазине. Правая нога стала жесткой желтоватой калькой чертежа его квартиры.

Последним, что осознало человеческое сознание Ильи перед тем, как раствориться в клее переплета, было понимание того, что книга никогда не была пустой.

Она была голодной.

Через три дня обеспокоенные клиенты, которым Илья не привез заказ, вызвали полицию. Квартиру вскрыли.

Стеллажи были пусты. Все остальные книги исчезли. На столе посреди комнаты лежал массивный фолиант в черном переплете. Он был толще раза в три, чем когда Илья принес его домой.

На серебряной обложке появился новый элемент декора. Маленький человеческий череп, вплавленный в материал так, что глазницы служили декоративными углублениями. А вместо носа торчал носовой хрящ Ильи.

Капля рубина в лапках паука стала ярче. Она напилась адреналином.

Один из оперативников, молодой парень, наклонился, чтобы прочитать название, вытисненное на корешке серебром. Там стояла фамилия автора, которой раньше не было:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.